

МНОГОУРОВНЕВОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ПРОБЛЕМА ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Научный руководитель – Шевчук Нина Викторовна

Башаров Галим Рамилевич

Студент (бакалавр)

Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Факультет международных отношений, Кафедра международных отношений, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: basharov.galim@mail.ru

Уровень конфликтогенности в современных международных отношениях, увеличение количества вооруженных столкновений свидетельствуют об актуальности продолжения комплексных исследований по данной тематике. Неурегулированные затяжные региональные конфликты на постсоветском пространстве являются современными военно-политическими вызовами и, возможно, угрозами российской безопасности. Учитывая, негативные тенденции, связанные с ухудшением ситуации в ряде конфликтных зон, особенно с учетом попыток ряда стран содействовать их «разморозке» анализ разнообразных характеристик конфликтов позволяет лучше понять конфликт и выработать лучшую стратегию урегулирования на местах.

Конфликт в Нагорном-Карабахе является самым острым и нестабильным конфликтом из современных международных конфликтов на постсоветском пространстве, во многом причине "динамичного" статуса-кво. Серьезная роль этнонационального фактора, объединяющая конфликт с кейсам в Абхазии и Южной Осетии, однако, в отличии, от них сопровождающаяся усиливающимся концентрацией на конфликте в СМИ и историографии увеличивает вероятность и масштабы потенциальной эскалации. Изначально межгосударственный статус конфликта, выделяющий этот кейс среди других, порождает и другую черту конфликта - практически полное отсутствие продвижения в политическом урегулировании и нежелание сторон имплементировать предложенные посредниками "планы"[1]. Также сильно выделяет конфликт такая характеристика как - отсутствие противостояния России - Запад, отмечаемое в других рассматриваемых конфликтах.

Украинский конфликт обладает более стабильным статусом-кво, который, однако же не позволяет отнести конфликт к замороженным из-за sporadicких нарушений режима прекращения огня. Упомянутое выше противостояние России - Запад, во многом роднящее конфликт с Приднестровским, а также Абхазским и Югоосетинским кейсами, достигает своего апогея, что особенно проявляется в рамках дискуссии о сотрудничестве и возможном вступлении в НАТО[2]. С двумя последними кейсами украинский конфликт объединяет характеристика территориальной близости с Россией. Когда как с Молдавско-приднестровским конфликтом Украинский кейс связывают значительное преобладание политических, социальных, идеологических факторов над этносоциальными и похожий ход урегулирования, когда при наличии переговорного процесса и подписанных соглашения, разногласия в практической имплементации многом возникают из-за различной трактовки тех или иных аспектов, а также относительная имитация успешности переговорного процесса, при практическом торможении со стороны "материнских" государств из-за наличия определённых ВАРНА в сохранении конфликта в текущем состоянии.

Молдаво-приднестровский конфликт, как и грузино-абхазский, грузино-южноосетинский конфликты входят в ряд "замороженных" конфликтов, принимая определение школы экспертов МГИМО. Их выделяет наличие относительно стабильного статуса-кво, который отчасти обеспечивается российскими миротворцами, а также противостояние Россия-Запад, которое во многом акцентируется как противодействие контактам Молдавии и Грузии с НАТО[3]. Другой важной характеристикой является наличие де-факто государства как одной из сторон конфликта. И, хотя такую характеристику можно выделить и в конфликте на Донбассе, и в Нагорном Карабахе, в данных кейсах имеется ряд уникальных особенностей. Приднестровье поддерживает высокий уровень двусторонних контактов с "материнским" государством, когда как Абхазию и Южную Осетию признала Российская Федерация, также отказавшись от пересмотра их статуса, создав условия "политических реалий" Закавказья. Отличаются конфликты во многом по характеристике роли этнического фактора, когда в Абхазии и Южной Осетии эта роль была значительной и во многом основополагающей, а в Приднестровье социальные, политические и идеологические факторы преобладали над этническими и религиозными. Также стоит отметить территориальную характеристику, выражающуюся во влиянии на конфликт стран соседей. Для Грузии это выражается в принуждении к миру со стороны России, и последующая "заморозка", в том числе и с помощью размещения военных баз на территории республик. Для Приднестровья этим является влияние на конфликт извне от страны соседа, страны-гаранта Украины, которая, наоборот, способствует разбалансировке и размораживанию конфликта.

Если Нагорно-Карабахский конфликт практически сразу стал межгосударственным, то остальные конфликты начинались как во-многом внутренние. На это накладывается определенный характер конфликтов, в частности нагорно-карабахский конфликт и грузино-абхазский, грузино-южноосетинский конфликт имели под собой серьезную этнонациональную подоплеку[4], в то время как в молдаво-приднестровском и украинском конфликте политические и идеологические факторы преобладали, происходило формирование внеэтнической идентичности на основе отпротивного(анти), непринятия заимствования ценностного ряда у других стран.

Политическое, идеологическое, экономическое, частично военное, учитывая фактор НАТО противостояние Россия vs Запад является одним из важнейших измерений конфликтов. Только нагорно-карабахский конфликт «остается в стороне». При этом Украинский конфликт именно в этом ключе несет дополнительную нагрузку разгорания, учитывая масштаб и важность для обеих сторон, что проявляется как в переносе акцента (например «для НАТО Молдова как продолжение Украинского конфликта», так и в усилении взаимодействия со «старыми» партнерами (Молдова и Грузия). Характеристика участия российских миротворцев в урегулировании объединяет грузино-абхазский, грузино-южноосетинский и приднестровский, а с недавних пор и нагорно-карабахский конфликты. Объединяющей характеристикой может выступать и сам ход урегулирования, когда в конфликтах в Закавказье, имеющих этнонациональную подоплеку, стороны во многом в принципе отказывались от практически всех предложенных планов, не говоря уже об имплементации мирного урегулирования, то в конфликтах в Европейской части, можно отметить, что несмотря на активный переговорный процесс, наличие подписанных обеими сторонами соглашений, расхождения происходили по части трактовки, а сама реализация относительно искусственно тормозилась «материнскими» странами.

Приведенные выше связи проиллюстрированы на схеме.

Источники и литература

- 1) Маркедонов С.М. Тридцать лет нагорно-карабахского конфликта: основные этапы

и перспективы урегулирования / С.М. Маркедонов // Постсоветские исследования - 2018 - №2 - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tridtsat-let-nagorno-karabakhskogo-konflikta-osnovnye-etapy-i-perspektivy-uregulirovaniya> (дата обращения: 30.11.2020).

- 2) ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО 2020 Вызовы безопасности Евразии. [Электронный ресурс] / Д. Хаспекова // Центр изучения перспектив интеграции - Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/postsoviet2020-security> (дата обращения: 25.11.2020).
- 3) Арбатова Н.К. Замороженные конфликты в контексте Европейской безопасности / Н.К. Арбатова // Индекс безопасности - 2010 - № 3 (94). Том 16 (57). С. 57-66
- 4) Маркедонов С.М. Этнополитические конфликты в Абхазии и в Южной Осетии: причины, динамика, уроки / С.М. Маркедонов // Этничность и религия в современных конфликтах под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана - Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. - М.: Наука - 2012.

Иллюстрации

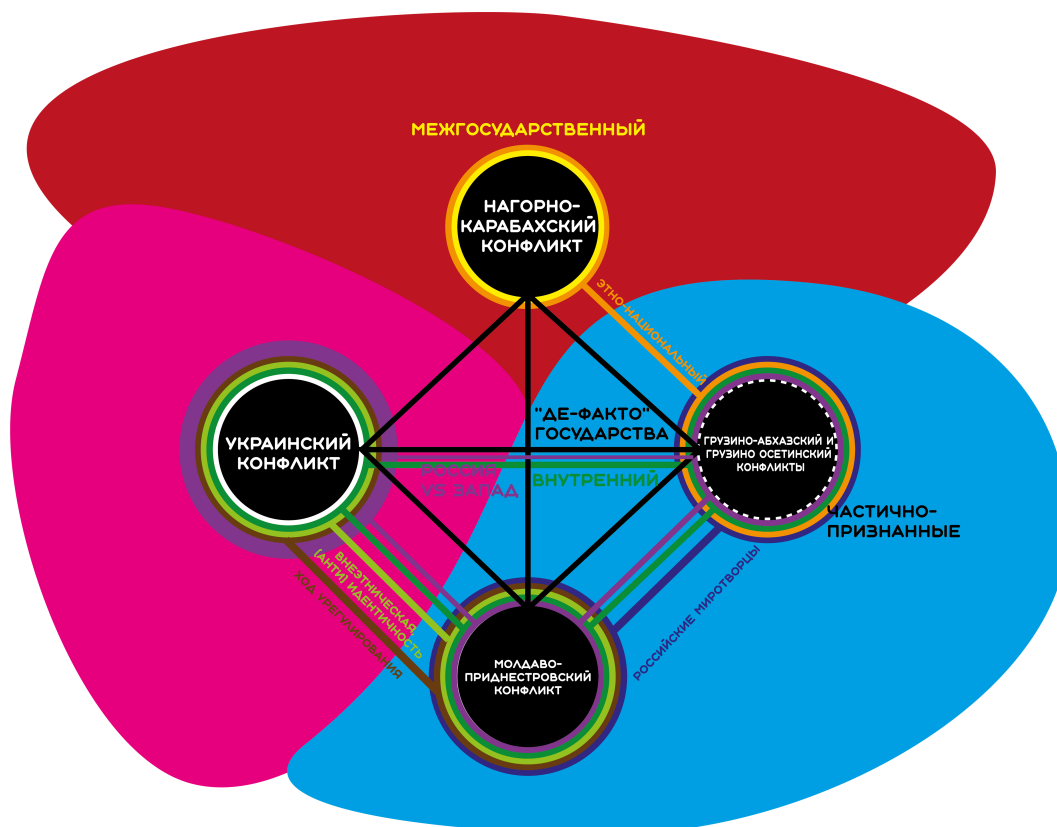

Рис. 1. Схема взаимовлияния граней современных международных конфликтов на постсоветском пространстве.